

В ЭТОМ ГОДУ открытие нового театрального сезона происходит в обстановке общего политического и трудового подъема. Все советские люди деятельно готовятся к знаменательному событию — XX съезду партии. Каждый трудящийся полон желанием достичь наилучших результатов в своей работе. Само собою разумеется, что и работники искусств должны внести достойный вклад в общее дело, добиваясь высоких творческих показателей.

Для этого нам нужно оглянуться назад, на прошедший сезон и на летние гастроли Рязанского театра юного зрителя по районам области, глубоко проанализировать их, чтобы не повторять тех недостатков, которыми они сопровождалась.

Нет, не удовлетворили мы возросшие требования сельского зрителя ни качеством, ни количеством наших спектаклей. Нет, не обрадовали мы летом сельскую детвору, лишив ее редкой радости — детского спектакля. А кто же, как не театр юного зрителя, должен обслуживать детей? Но для выполнения этой задачи управление культуры должно устанавливать нам и соответствующий финансовый план, так как билеты на детские спектакли значительно дешевле и мы при всех усилиях, набивая зад ла отказа, не можем подучить с детского зрителя по 1.200 рублей, как и со взрослого. Потому-то дирекция театра всегда с такой охотой берет на гастроли детский спектакль. — невыгодно!..

В связи с этим хочется спросить у руководителей управления культуры: с какими миссиями и полномочиями мы каждое лето выезжаем на село? Или мы выезжаем как коммерческое предприятие с целью собрать как можно больше денег, или как «кафедра, о которой можно сказать людям много добра» (по выражению Н. В. Гоголя)?

Перед выездом на гастроли как будто всегда говорится правильные напутственные речи о высоком назначении театра, о том, чтобы не забывали мы о качестве. Но стоит нам только очутиться в районе, дирекция театра нацеливается только на кассу, забывая обо всем остальном.

Вот и этим летом временно исполнявшая обязанности директора театра тов. Зинкина, забыв о непреложной истине, что качество спектакля — глав-

ПОГОВОРИМ ОТКРОВЕННО...

нча, от чего зависит и творческое финансовое плана, занялась бурной коммерческой деятельностью.

— Набивайте как можно больше зад, — давала она распоряжения администраторам.

И набивали так, что яблук негде было упасть. Были случаи, когда хозяинки уходили со спектакля, возмущаясь:

— Мы приехали за 20 километров, чтобы после трудового дня культурно отдохнуть, а тут с билетом и постоять негде!

А дети, наш основной юный зритель, до позднего вечера толпились у клубов, жадно заглядывая за кулисы, и спрашивали:

— А нам что привезли?

Что мы могли им ответить, если дирекция еще в начале гастролей, воспользовавшись болезнью баяниста (как будто нельзя было взять другого!), охотно сменяла с репертуара единственный детский спектакль «Два клена».

Репертуар наш был скуден и беден по количеству и довольно низок по качеству. Из трех постановок только спектакль «В добрый час!» не стыдно было показывать труженикам полей. Что же касается спектакля «Шельменко-денщик», то он был поставлен в дурной фарсовой манере, с формалистическими выкрутасами и способен скорее не воспитывать эстетический вкус у зрителя, а портить их. Нам и на зрительских конференциях указывали: «Зачем привозим такой неприличный спектакль?» В спектакле «Поздняя любовь» были допущены неверные трактовки некоторых образов, что привело к идейному искажению авторского замысла.

Неприлично был сбалансирован и кадровый состав. Почему-то не взяли для параллельных спектаклей второго парикмахера, реквизитора, нехватало рабочих сцены, зато был излишек в административном составе. От этого страдало качество; например, в «Поздней любви» некоторые актеры играли без париков, в современной прическе.

За период гастролей (три месяца!) мы не подготовили ни одного нового спектакля, потому что творческой работы за этот период не велось.

Мало мы помогли и сельской художес-

твенной самостоятельности. А что касается выездов непосредственно в поле для дружеских встреч с колхозниками, то это было сделано всего один раз в Пажеском районе. Была наспех составлена концертная программа, и с астралы раздавались низкопробные, пошлые куплеты.

А, помните, перед отъездом на гастроли руководство театра заверяло общественность, что подготовим специальную программу и что она у нас даже наполовину готова.

Многие недостатки в работе мы могли бы не допустить, если бы руководство театра прислушивалось к голосу коллектива. За три месяца у нас не было ни одного собрания, ни одного производственного совещания, где мы могли бы поговорить об этих недостатках. Председатель местного тов. Ушаков отвечал тому, кто предлагал провести собрания:

— А в чем они? Только переругаемся, и все!

Руководство явно боялось критики. Актеров, пытавшихся в рабочем порядке критиковать действия дирекции и отстаивать качество спектаклей, тов. Зинкина обвиняла в дезорганизации и подрыве авторитета дирекции. Так было в Михайловском районе при постановке пьесы «Поздняя любовь». Из-за близорукости в подборе кадров, из-за того, что в театр берутся на работу случайные, непроверенные люди, были украдены все основные костюмы из спектакля «Поздняя любовь». И как актеры ни убеждали тов. Зинкину, что невозможно играть в случайно подобранных с чужого плеча костюмах, не отвечающих ни стилю, ни эпохе, ни образам, она в приказном порядке заставила играть. Нам было очень стыдно за этот спектакль. А все предопределена касса! За цифрами дирекция не видела ни людей, ни качества.

Финансовый план театр, конечно, выполнял с избытком. Но это можно было сделать без шурманщины, пролома спектакли на высоком идейно-художественном уровне, если бы гастролям предшествовала хорошая подготовка.

Но в том-то и дело, что в этом году мы по существу не готовились к гастролям. За неделю до отъезда наспех сколотили,

подкрасили, упростили некоторые декорации, вот и все. Нам «некогда» было готовиться по-настоящему к такому ответственному периоду, ибо мы всю зиму никак не могли разобраться в драках, которые появились у нас еще осенью, с приходом к нам режиссера Пидыкула (ныне снятого с работы). Как только его назначили «для укрепления театра» главным режиссером, творческая и производственная жизнь была совсем нарушена. Нарушился репертуарный план — основа основ театра, что привело к прорыву, и нам приходилось показывать один и тот же спектакль по месяцу крышу — на износ. Мы оверсродили репертуар, на что нам сироводно указывали общественность города, школы и пресса. Мы аврально выпускали сырые, плохокачественные спектакли, их предварительно почти никто не просматривал и не принимал.

В связи с этим в спектаклях появились безвкусица, пошлость и поспешное решение («Шельменко-денщик» и «Поздняя любовь»), смещение стилей и эпох («Король пуган»). Появились зажим критики, подхалимство, подкалывания, разделение людей на «угодных» и «неугодных» и многие другие безобразия, которые расцветают пышным цветом в том случае, когда в руководство проникают люди, не отвечающие высоким требованиям: карьеристы, эгоисты, ставящие свои личные цели выше общественных.

Надо заметить, что все это можно было бы тоже предотвратить, если бы руководство партийной организации театра было принципиально и всегда бы стояло на страже общественных интересов. Независимо, о какой целью секретарь парторганизации тов. Зинкина и ее заместитель тов. Хорохорин всячески поддерживали действия главного режиссера Пидыкула.

Вот почему обслуживанию тружеников колхозного села прошло у нас на среднем идейно-художественном уровне.

В заключение хочется пожелать управлению культуры, хотя оно и вмешалось (с большим опозданием) в наши дела, чтобы его работники почаще к нам заглядывали и глубже выискивали в жизнь театрального коллектива. Это поможет нам предотвращать те крупные недостатки, которые оставались до сих пор.

А. АСТАНИНА,
актриса театра юного зрителя, член КПСС.